

ИВАН

ДОЛЕВОЙ ПОРОГ

18+

Иван Р

Болевой порог: безымянный

«Автор»

2026

Р И.

Болевой порог: безымянный / И. Р — «Автор», 2026

Он был лишен всего. Нет имени. Нет желания жить. Нет надежды на смерть. Лишь Боль осталась с ним до самого конца... И сопровождала его к новому началу. Теперь ему предстоит доказать Мирозданию свое право на жизнь и узнать, где проходит истинный болевой порог человека, который пережил собственную смерть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Р

Болевой порог: безымянный

Пролог

Мне осталось десять шагов... И наконец этот мир перестанет причинять мне боль. За свои семнадцать лет я так и не понял, за что он так со мной поступил. Где я допустил ошибку? В каком периоде своей жизни я обидел Мироздание? Или не было никаких чувств ко мне, кроме презрения? Как людям мерзко тараканы, так миру мерзок я?

Мне осталось семь шагов... Возможно, я чужд для этого мира. Сверстники видят во мне лишь куклу, нечто неживое, но при этом забавно испытывающее смущение. Унижение. Стыд. Наверное, было весело наблюдать за моими попытками жить нормально. Возможно, я и не должен был, зачем мне давать шанс? Ведь кукла так забавно корчится от боли унижений и плачет от душевных ран.

Мне осталось четыре шага... Я очень хотел верить, что мне не повезло в общении, я хотел верить, что это просто сложный этап подростковой жизни. Взрослые были детьми, они живут дальше и радуются каждому дню, значит, и я бы смог. Я бы пережил, правда, но... Глаза, которые смотрели на тебя с любовью, окрашиваются в красный от истерических слез. Теперь в них радость и насмешка. Она смотрела на меня. Что я сделал не так? Они ведь тебя подговорили, ты же не хотела этого? Это ведь они виноваты, они зло, так почему ты так на меня глядела?!

Мне остался только шаг... Теперь все должно быть окончено. Грустный финал, сожалений нет. Участники спектакля скоро забудут этот акт и перейдут в следующий. А я стою у крыши. Мое право на жизнь украли. А вдруг его никогда и не было? Вдруг мне просто не повезло? Но скоро все наконец закончится. И я в том числе.

Шаг в бездну... Свист ветра, заложенные уши. Удар об асфальт выбил воздух из груди. И появилась Боль:

— А-а-кха-кха, — заорал кто-то рядом. Не могу понять, кто это, сложно сосредоточиться. Кости покинули мягкую плоть, треща на ветру, мясо свисало с них, словно разодранный флаг. Я чувствовал своими оголенными мышцами каждую пылинку, витающую в воздухе. В голове будто роятся мыши, прогрызающие норки, чтобы спастись от знойного вечера. Все мое тело превратилось в оголенный нерв.

— Гврл... Бр-л-л хр-р, хр-р, — забулькало где-то сверху. Дерганные движения ног говорили о том, что тело пытается выжить. Но зачем? Я же вступил на крышу школы только для того, чтобы все это закончить. Зачем мое тело пытается жить?! Зачем?! От меня остался лишь фарш, утыканный шпакками из костей и суставов. Так зачем ты, тело, сопротивляешься неминуемому?! Или дело не в тебе, несчастная плоть? Дело во мне? Я все решил, это мой единственный выбор, так почему?... Я понял, изможденное тело. Я не хочу умирать.

— Поздно...Кх-р... — прошипело из моей глотки. В смысле, поздно?! Я не хочу так умирать, я не могу так умереть! Как вернуть все назад?!

Легкие уже наполнены кровью, сердце остановилось минуту назад, я могу только чувствовать бесконечную боль, что пытается меня успокоить. Только она была со мной всю жизнь, утешала и поддерживала в худшие эпизоды моего печального существования. Она меня не покинула даже, когда я простился с жизнью. Она — мой единственный верный друг. Спасибо, что ты рядом...

Глава 1

Смерть — это не выход. Я где-то слышал это выражение, но никогда о нем не задумывался. В этом все же есть какой-то смысл. Можно ли решить проблему, избегая ее? Не знаю, у меня никогда не получалось. И почему я до сих пор думаю? И не хватает кого-то... Я почувствовал мерное покачивание, плеск воды, скрип чего-то металлического. Открой глаза. Худшее, что могло произойти, уже произошло.

Свет. И темнота. Но могу точно сказать, что видеть я могу. Лодка, бесконечная темная морская гладь, охватить взором которую невозможно. Старик ведет веслом лодку. Мои руки целы. Я слышу, я вижу, я думаю. Может быть, это морок, наведенный агонией. Что мне хочет показать мой разум, чтобы выжить?

— Очнулся? Поразительно, хех, — обратился ко мне старик. Его лицо испещрено не то морщинами, не то шрамами, отчетливо светящимися алым светом. Одного глаза нет, а рот был без губ.

— Здравствуйте, — единственное, на что хватило моих коммуникационных способностей в данной ситуации. Честно, их никогда не хватало ни в каких ситуациях. — И тебе не хворать. Снова, — прокряхтел над своей же шуткой лодочник. — Ну, давай, рассказывай, почему такой, как ты, — эти слова он сказал с неприкрытым презрением, — всплыл из Болота Неупокоенных?

— Не знаю, — честно ответил я. Боюсь, все мои знания не имеют смысла.

Разговор пока затих. Не знаю, уместно ли беспокоить и без того беспокойного старика, а он не посчитал нужным пока развивать беседу. Я пожегся от фантомной боли в ногах, что не осталось без внимания старика. — Спрыгнул? — ехидно спросил лодочник, ударяя веслом по волнам.

— Как догадаться? — Никому никогда не сообщай причину своей смерти! — Перевел собеседник тему. — Ваш вид обычно в другом месте пребывает свою Вечность. Еще раз спрошу: почему ты здесь, а не там? — каждое слово старик припечатывал ударом весла о воду, все быстрее разгоняя лодку. — Я хотел жить, — робко ответил я.

— Забавно, — что-то для себя решил старик и направил лодку все быстрее к горизонту. — Дам еще один совет, юнга, цени его. Что бы ни было в твоём мире, здесь будет все во стократ мрачнее, так что не думай, что все закончилось. Хе-хе, сбежал из своего мрака, чтоб оказаться в бездне, кхе-кхе, — закашлялся старик и продолжил везти лодку в неизвестность. — Кто такие Неупокоенные? — спросил спонтанно я и тут же захотел зажать рот, боясь, что не вправе задавать вопросы.

— Те, кто решил, что их жизнь в их руках, хе-хе. Те, кто решил выбрать лёгкий путь. Вечное забвение, которое они жаждали по жизни. Короче, салага, не бери в голову. Удивительно, что ты такой особенный. Надо будет выдрать у тебя волосы из носа на удачу, кхе-кхе.

Лодочник продолжал смеяться, а я погрузился в раздумья. Если смотреть на свою жизнь, то единственным, чем я мог гордиться, — это наблюдательность. Я осмысляю себя, все органы чувств работают исправно. То, что я наблюдаю, подсказывает, что это все не морок, не иллюзия. Я умер, но я жив, и это, по словам старика, очень странно.

— Спасибо, мир, что исполнил мою просьбу... — прошептал я. Старик только кхекнул, ударяя по волнам веслом.

Глава 2

— Мы почти на месте, кхе, — выкашлял слова старик. Создалось чувство, что чем ближе мы к берегу, тем ему хуже.

Так и есть, мы почти на месте, чем бы это место ни было, ведь старик не захотел сильно распространяться. «Кишки болят при виде тех мест, пожрала бы Ехидна их всех», — вот и все, что он сказал.

Наш путь начал пролегать через пещеры, в одну из которых мы заплыли. Иногда мне казалось, что мы застрянем меж скал, но каждый раз обходилось. Вроде, должно быть страшно, клаустрофобия — вещь серьезная, но каменная громада, давящая со всех сторон, чувств во мне не вызывала. И вскоре мы вышли в гавань. То, что я увидел, сложно описать человеческими словами. Вид града, что стоит среди вод и пустоты, будоражил нечто, заложенное внутри меня, будто пробудившаяся ото сна память. Гигантские шпили, пронизывающие небеса, свет и тьма, что окрасились в цвета, недоступные, но так притягательные для человеческого глаза. Душа трепещет при виде зданий, громоздящихся друг на друга. Мысль о том, что даже архитектура сражается здесь за место под светом, становится не такой абсурдной.

— Ирефес, забери ее Геенна, — сплюнул старик и направил посудину к пирсу, расположенному вдали от главных портов и дорог. Я пребывал в блаженном трепете, не в силах переварить увиденное. Не пойму, почему старик так отзывается о городе. О Ирефесе, прошу прощения.

Вскоре мы пришвартовались у одного из множества стояночных мест, где нас практически никто не встречал. Только сейчас у меня родилась мысль: что делать дальше? Я в неизвестности, из себя мало что представляю, и снова один против всего мира. Но я больше не сдамся. Никогда. Одного раза хватило. Мои громкие обещания самому себе прервал старый лодочник:

— Все, юнга, довез тебя до нулевой точки. Отсюда начинается твой новый путь. Все живые души направляются к Алтарю, это вон то огромное беспонтовое здание с тремя башнями по центру. Там все расскажут, главное — не ври, Их обмануть нельзя.

— Следует наказание? — задал я один из самых бесполезных вопросов.

— Нет, просто это бесполезно. Тебе дадут Путь, с которым ты сможешь существовать в этом уродском мире, кхе-кхе, — почему-то любое упоминание этого места, где я очутился, вызывает у старика приступы кашля. — Путь у каждого свой. Зачем он нужен? Кхаа-кхаа, — старику стало хуже. — В общем, не знаю я до конца, для чего он нужен. Власть, сила, знания, счастье — у каждого своя трактовка. Разберешься, ты хоть и салага, но толковый. Вроде как, хе-хе.

— Благодарю за Вашу мудрость, — не зная, как подкрепить искренность своих слов, я поклонился. Старик хоть виду и не подал, но чувствовалось, что слова его смутили.

— Ладно, юнга, удачи тебе. Пообещай только, что останешься человеком несмотря ни на что, — серьезно сказал старик, шрамы которого вновь засветились алым светом.

— Я знаю боль. И я знаю, как ее не причинять. Я обещаю, капитан. Еще раз спасибо за все. Может, даже когда-нибудь вместе порыбачим.

— Не приведи Создатель такого счастья, хе-хе, — отсалютовал старик и отправился в море. Я провожал его взглядом. Первый человек... Или не человек. Первый, кто ко мне отнесся как к человеку, есть человек. Жаль, не все такие. Крайне жаль.

«И снова один», — подумал я. Пора действовать. Мир начинается с моих поступков.

Глава 3

Первое впечатление при созерцании Ирефеса сошло, остался закостенелый страх с прошлой жизни — страх мегаполиса. Страх потеряться, зная, что никто не придет на помощь, страх масс людей и стекла, где любая твоя ошибка — достояние публики. В огромном городе легко исчезнуть от чужого взора, но не от взора самого города.

Я шел по менее шумным улицам, специально выбирая малолюдные места. Всегда интересно, что в кармане у человека, а не у него в руках. С каких пор у меня такие смелые мысли? Чтобы не ошибиться, нужно изучить место, в которое я попал. И то, что я наблюдаю, мне нравится все меньше и меньше.

В одном из переулков я увидел лежащего человека с интересным зеленым оттенком кожи. Бездомный? Возможно. И никто не обращает на него внимания, даже подходя к нему в упор. На другой улице при виде меня сразу закрылись ставни. Возможно, так совпало. Проходящие мимо люди... И не люди... Смотрели на меня с некоторой опаской или брезгливостью, хотя я не выделялся от остальных. Или, опять же, сыграл мой страх и опасения большого количества человек.

Спустя, по моим ощущениям, час, я дошел до огромной лестницы, ведущей к Алтарю. Здание возвышалось над нагромождением домов и ларьков, словно аристократ, отделяло себя от прочей черни. Возможно, грубое сравнение, но архитектура здания нагоняет определенную мысль: ты здесь никто.

По лестнице неспешно идут Разумные. Идут все только к Алтарю. Значит, там есть отдельные выходы для посетивших здание. А зачем?

Под свои мысли я дошел до вершины лестницы и уставился в очередь, которая медленно, но уверенно шла внутрь Алтаря. Сложно перечислить особенности и странности Разумных, что стояли впереди меня и уже собирались за мной. Значит, люди — не единственные разумные существа в мире. Но меня это мало смутило. К сожалению, если есть разум, то есть и место злу. Обидно. Или зря я на них клевету? Я знаю боль — значит, не зря.

Внутренняя часть здания — колонны огромные, колонны поменьше, колонны на колоннах. Я мало что смыслю в интерьерах и экстерьерах, так что оценку давать не буду. Задачу по доведению посетителей до состояния насекомого среди вселенной Алтарь выполняет шикарно. Все посетители молча стояли и ждали своей очереди на судьбоносное распределение. Или распределение Судьбы? Старик смутно и второпях объяснил истинный смысл сего мероприятия, я до сих пор не могу понять, что ждет дальше. Что такое Путь, зачем он нужен. Ведь во всем должен быть смысл, возможно, Путь и нужен, чтобы дать смысл. Сложно. Нет причин сильно над этим задумываться.

Очередь все шла, Разумных распределяли по залам служители этого места, их легко различить по красно-белым одеяниям. Также они, скорее всего, разделены по рангам или званиям. Одни были с ромбовидными узорами, у других, кто обычно указывал своим коллегам, были пятигранные узоры. По логике, где-то есть и обслуга с треугольниками и настоятель этого места с неизвестным количеством граней. Возможно, информация пригодится в будущем, которое, надеюсь, у меня здесь настанет.

Вот и мой черед, через пару людей меня встретит один из служителей. С каждым шагом меня одолевал легкий мандраж то ли от предвкушения, то ли от страха. Но может ли бояться тот, кто уже умер? Надо обдумать, но потом, меня ждут:

— Приветствую тебя, душа, — воспел служитель передо мной, — пройдем, твой путь скоро начнется. А пока мы идем к старшему мадриху, можешь задавать мне вопросы. — Прочитал мои мысли человек в ромбовидных одеяниях.

— Здравствуйте. — Первое, на что меняхватило. Всегда, когда разрешают задаватьлюбые вопросы, начинаешь теряться. И какой вопрос задать первым? Еще в той жизни слышалмысль: вопрос должен стоить столько же, сколько и человек, дающий тебе ответ. На вопрос«сколько стоит хлеб?» мне и обычный прохожий ответит, а тут служитель, обязанность кото-рого встречать новоприбывших в этот новый мир. Благо служитель не дал додумать мне мысль:

— Ты умер, но вместо вечного счастья или страдания ты попал сюда. Это место зоветсяСрединный мир, мир неопределенностей, сомнений... И надежд. Есть черное, есть белое, аесть серое. Мы — серость, которой следует определиться вновь. — Речь служителя прерва-лась, когда мимо прошел один из старших моего проводника. После легкого, но уважительногопоклона старшему, мой служитель, в смысле, служитель, ведущий меня, продолжил:

— Самый распространенный вопрос всех Разумных — что делать дальше? Жизнь закон-чилась, началась новая, так какой теперь в ней смысл? Следуй Пути, душа, и ты достигнешьсчастья, скрытого в тебе, — пафос нагонялся всеми вербальными и невербальными действи-ями. Похоже, он истинно верит в правильность своих слов. Либо в их организации такая мето-дичка по первому контакту с Разумными.

— И все следуют своему Пути? — спросил я, на свой взгляд, очевидное. Служительнахмурился, но все же ответил.

— К превеликому сожалению, нет. Нам дано право, — он многозначительно поднялпалец вверх, — созидать и любить. Но мно... Точнее некоторые следуют Пути ради сиюминут-ных удовольствий, сомнительных фетишей или, что еще хуже... Но об этом ты и сам догады-ваешься. Ты человек, значит, концепция Добра и Зла тебе известна? — я неоднозначно кив-нул, — тогда вопрос, думаю, закрыт. Серым быть нельзя, душа тянется к крайностям. Дальшедело только за тобой, Разумный. — Холодность в его речи явственно говорила об окончанииразговора. И, судя по большим резным вратам, мы уже пришли.

— Удачи, Разумный, — попрощался мой недолгий проводник. Интересно, а зачем мнеудача?

Я постучался, в ожидании ответа осмотрел еще раз место, в котором нахожусь. Все теже высотные потолки, колонны метров в шесть высотой, ворота резные, из красного дерева ссеребряными прожилками в узорах. Выглядит это дорого, но органично. Нет ощущения избы-точности роскоши, богатство интерьера пребывает в балансе со строгостью и сакральностьюместа.

Врата отворились, и я вошел в небольшое помещение. Люстра, шкафы, у правой от входастены находится дверь, менее заметная, чем входные ворота. У постаментана виде жертвенногоалтаря, как у древних шумеров, стоял, как я понял из разговоров, мадрих. Выглядел он совер-шенно иначе, чем представлялось. Точнее она. Янтарно-желтые глаза, в которых переливалсясвет, идеально белая кожа, которую воспевали азиатские культуры. Наверное. Одета была водеяния, похожие на одеяния древних греков, на запястьях и груди были элементы золотыхювелирных изделий с нечитаемыми надписями. Оценка обстановки на этот раз заняла меньшевремени, но начинать разговор не решался, есть ощущение, что это может быть ошибкой:

— Приветствую тебя, душа, — я кивнул, это уже слышал, — твой Путь скоро начнется,— и это я слышал. — Путь — это адаптация, а не свод правил, — а вот это не слышал, —Путь — это помощник, а не судья или правитель, только ты выбираешь, следовать ему илинет. Срединный мир — синтез Материального Начала и Начала Духовного. Многие разумныесталкиваются с фундаментальными проблемами в его понимании. Путь поможет тебе, — сэтими словами врата позади меня резко захлопнулись, комната погрузилась в мрак, она будтовоспарила в небытие. Показалось, будто мы перестали быть не то что в Ирефесе, мы пересталибыть в этом Срединном мире.

— Взгляни в себя, взгляни и увидь. Тело, разум, душа. Тело гниет, разум мутнеет, душа вечна, — набор слов, не говорящий ни о чем. Но перебивать равноценно смерти, где-то внутри поселилась именно эта мысль. — Взгляни в себя, взгляни и узри. Есть Альфа, есть Омега. Дух есть начало и конец, — глаза Мадрих засветились сильнее. — Взгляни в себя, взгляни и узри. Путь твой — страдание. Тело гниет, разум мутнеет, душа страдает. Так страдай, страдай во имя Его, страдай ради Него, ведь Он поступил так же. — Свет пронизывал все, растворяя тьму. Он заставил меня вспомнить всю мою печальную жизнь. Я снова пережил то, ради чего хотел умереть. Он проникал внутрь меня, прожигая кости, сжигая глаза, выжигал на душе Символы и Смыслы. Нет. Он просто осветил то, что изначально было во мне. Жаль. Я был прав.

Но предаться вселенской печали мне не дал странный свет, мелькавший на периферии моего взора. Сконцентрировавшись, я увидел надпись:

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс стези: |0.00 ...1.00 |»

Пока я пытался осознать, с чем имею дело, мы вернулись в комнату. Мадрих была в прямом смысле высушена, щеки впали, глаза потускнели. Она мертвым взглядом смотрела на меня, что напомнило мне о последних месяцах той, материальной жизни. Я знал этот взгляд, отчего стало так дурно, что хотелось убежать и забиться в самый темный угол этого нового мира. Но ее слова были иными:

— Страдающий, самоубийца, жаждущий жизни больше любого алчущего бессмертия. Ты иной, тебе не было места среди живых, бе'улам каторми, Срединный мир тоже будет для тебя чужд. Твой дух должен был обрести лелеемый покой, но твое решение... Я видела. Боюсь, я бы поступила так же. Как вышло, что ты здесь, а не в Болоте Неупокоенных. Все же Он дал тебе шанс... — жрица уже говорила сама с собой, но после нескольких минут прострации вернулась в реальность:

— Срединный мир подарит тебе то, чего ты лишился в бывшей жизни, — право выбирать свою судьбу. Теперь твоя жизнь может зависеть от тебя. Иди, — она указала на неприметную дверь, — душа и его Мадрих не должны больше пересекаться. Твой Путь начинается. Удачи.

Я пребывал в немом шоке, огромное количество переживаний, информации и вновь пережитого не давали сосредоточиться. Вереница мыслей, одна перебивающая другую. Они словно группа детей, пытающихся докричаться, чтобы именно ему было оказано внимание. Я не мог сконцентрировать внимание ни на чем. Кто я, зачем я, почему мои догадки оказались верны, что за дух и материя? И еще этот путь — путь страданий — не дает покоя. Что за числа? Это и есть адаптация к Духовному Началу? Голова начала соображать, когда я дошел до одного из перекрестков улиц. Судя по разбросанному мусору около тротуаров, я пришел в не самый близкий к Центру район. Здания громоздились друг на друга словно химера, урод без симметрии и без отличительных черт, каменная масса.

Я шел по улочкам в надежде, что антураж натолкнет на правильные ответы, ведь правильные вопросы наконец сформировались. Я не ел примерно двенадцать часов, и голод потихоньку подступает. Значит, физиологические потребности тела сохранились. Надо позаботиться об еде, воде, жилье. Раз Срединный мир — синтез Духа, а главное, Материи, то понятие денег здесь должно быть. Интересно, если взять сто миров, в скольких из них будет экономика? По посетителям Алтаря можно понять, что миров много. Непростительно много.

Так, еще раз, меня сбивала с мысли компания неких Разумных, больно шумно разговаривающих на непонятном булькающем языке. Раз есть деньги, нужно понять какие, это же новый мир с новыми правилами. Деньги — эквивалент представляющему ценность. У всех, или почти у всех, мало информации, есть Путь. Возможно, как у меня, может у всех уникальный. Суть

в его развитии, тогда можно предположить, есть нечто, помогающее в этом самом развитии. Мысль интересная, но бесполезная, пока сам не пойму, как этот прекрасный Путь развивать. И снова эта группа лиц, неприятных, но то детали. Они зачем-то идут за мной. Догадки есть. Все повторяется, снова.

Можно ли ненавидеть человека за то, что он просто существует? Который ничего злого тебе не сделал. Вы ведь как-то до встречи жили? В чем проблема продолжить жить. Проблема в самих людях, в их страхе. А страхов много, если бы не надстройки в нашей психике, люди бы сошли с ума. Есть страх — не быть принятым обществом, и чтобы избежать участи изгоя, нужно обществу доказывать свою причастность и полезность к нему. Хех, интересные мысли меня всегда посещали в эти гнилые моменты. Когда по твоему телу ударяют множество ног и кулаков. Эти, не побоюсь этого слова, Разумные боятся. Нет, не меня. Они боятся общества, и им нужно самоутвердиться. В своем лице, в лице друзей, не важно. Страх двигает людьми, словно машина без тормозов.

Они что-то говорили, посмеиваясь между собой. Что-то про уродов и про место в этом прекрасном Срединном мире. Про пищевую цепь и дальше по списку, который я выучил еще с десяти лет. Обидно. Грустно. Больно.

Через полчаса я смог найти в себе силы встать. Синяки были по всему телу, мне рассекли бровь, благо в нос не попали. Кости все целы, память о том, как они хрустят и скрипят, жива во мне до сих пор. Мадрих была права в рассказах о равенстве Материального и Срединного миров. И все же, как же больно... Мои причитания перебил свет на краю зрения. Сфокусировавшись, прочитал следующее:

«Материальный аспект:

Сопrotивление физическому тупому урону увеличено на +1»

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс стези: |0.10 ...1.00|»

Вот что значит «**Путь Страданий**». И я понял, чего нужно достичь и к чему стремиться. Пройти Путь, чтобы больше никогда не страдать.

Глава 4

Новые открытия никак не решали моих текущих проблем. Базовые потребности — основа любого развития. Пока я не закрою этот вопрос, у меня не получится продолжить свой Путь. Нужно всего лишь... Акх, как же я отвык от боли! И есть некая маниакальная радость, что она вернулась. Та, кто была всегда рядом. Но делу она не поможет, так что пока не мешайся.

Я перебирал ногами по улочкам, не зная даже с чего начать. Найти родник в городе или хотя бы плодородное дерево — вещи на уровне фантастики, в которой, так вышло, я нахожусь. Так что есть надежда, с каждым пройденным кварталом все сильнее тающая. Проситься к людям на ночь или молить лавочников о крохах пищи — верх наглости, да и низко это для меня. Я страдающий, а не страждущий. Но если припрет... Умирать не хочется. Я не умру. Я обещал.

Я сам не заметил, как город закончился. Да он велик, что можно днями ходить и не повторять маршрута. Но даже у Ирефеса есть свой конец. Как метафорично. Конец города равно как и конец человечности предстал перед моим взором. Мусор, смог, непонятной природы дымки и эманации. Дома перестали расти вверх и расплзлись словно слизь. Я пришел в место, где собралась та самая человеческая слизь. Маргиналы и изгои, здесь их прибежище. Свалка. И мне здесь самое место. Пока что.

Улицы... Хотя, какие улицы, просто пустое место между грудями мусора, домами и прочей грязи. Ладно, пусть будут улицы. Так вот, они были хаотично разбросаны без намека на планировку, и загадка, что я планирую найти в конце своего пути по этим измызганным тропам.

В самый неподходящий для этого места момент меня скрутил приступ голода, который я тщательно скрывал за мыслями о бесконечно вечном. Перетерпев приступ, я продолжил свой путь, не забывая осматриваться. Забвение — первое, что приходит на ум. Жизни нет на улицах, в этом месте Разумные встречают закат своей пустой жизни. Их вина в этом или злой рок приговорил — не мне судить. Всегда есть, куда можно пасть.

Второй приступ застал меня, когда я переходил через вязаный мостик, соединяющий две груды мусора, слившиеся в монолиты, из-за чего я чуть не упал в зловонную речку, в которой текли техногенные отходы. Срединный мир в его красе. Или пока рано судить? Я мыслями пытался отвлечься от голода, но он все сильнее о себе напоминал. Боль, что пытается вытащить остатки энергии из кишок, насильно выжимает из внутренностей, словно тряпку, последние крохи того, что можно использовать в питании организма. Но ничего нет. Когда боль дошла до своего апогея, в туманящемся зоре я увидел оповещение:

«Материальный аспект:

Сопротивление гастрономическому голоду увеличено +1»

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс стези: |0.20 ...1.00|»

Прекрасные циферки прогресса, при всем их желании, не могут утолить, как написано, мой гастрономический голод, хотя боль немного ослабла. Нужно срочно поесть. И это даже не приказ. Это смысл моего существования на ближайшие шесть часов. Я готов просить помощи у кого угодно, даже вон у того деда в одних штанах:

— И чегой-то ты такой красивый, хы-ых, делаешь в таком шикарном месте? — Старик, будто почувствовал мои мысли, подошел вплотную ко мне, — драный, битый, хы-ых, и, походу, голодный.

— Д-да, — сил спорить про этикет и тактичность общения между двумя разумными не было. Мой голос дрожал от усталости, но разум оставался крепок, — еды, готов заплатить всем, что у меня есть.

— У тебя есть только ты сам, хы-ых, но ты не бойсь, отработать мы всегда найдем как, понимаешь, а? — ехидно подмигнул дед.

— Если это не из тех дел, которые ты сам бы не позволил по отношению к себе, — шутит ли дед или намекает, без разницы. Голос стал холоднее, я даже сам не поверил в свои слова, — иначе я перегрызу тебе сонную артерию, даже если это будет последнее, что я сделаю в этой новой жизни.

— Хы-хы-ых, — улыбнулся в диком оскале дед, — значит, сработаемся. Илларион, можно просто дед Лари, — он протянул костлявую грязную руку. Которую я слабо, но уверенно пожал.

— Я... А кто я? — с этим вопросом я впал в забытье.

Пробуждение оказалось на вкус как тухлый куриный бульон с добавлением пороха и чеснока. Из приятного, голод исчез. Чувствовал я себя все еще скверно, и даже открыть глаза было серьезным испытанием воли:

— Очнулся, безымянный. Выглядишь отвратительно, хых. Бери пример с меня, — старик хлопнул себя по пузу. — Приходи в себя, обсудим, во сколько ты оцениваешь свою жизнь. — С этими словами дед удалился из комнаты.

Я превозмог себя и открыл глаза. Свеча на ветхом столе из темного дерева, который был весь в заусенцах и гнили. Потолки невысокие, выход из комнаты был один, не было ни единого окна. На столе помимо свечи лежала плошка с остатками супа. Единственное, что удивило, так это различные пучки трав, оставленные висеть на веревках, протянутых вдоль стен. Станный дед.

Я предпринял попытку встать, и мне данное действие далось с неожиданной лёгкостью. То есть со стонами и кряхтением, а не через болезненные вскрики. Перед тем как выйти из комнаты, я обратил внимание на расколотое зеркальце, лежащее на табуретке у выхода.

На меня глядел парень, слишком многое переживший за короткие семнадцать лет. Светло-зеленые глаза выражали усталость и смирение со вселенской несправедливостью, неухоженные русые волосы были то тут, то там испещрены проседью. Бледность не покинула его и в этой жизни. «Мы обязательно все изменим?» — мысленно сказал я юноше в зеркале. Жаль, он не ответил. Неопределенность хуже любого горького финала.

Первое, что я увидел, когда зашел в так называемую гостиную, так это деда, который сидел в кресле-качалке и пальцем выстукивал незамысловатую мелодию. Тук тук-тук-тук тук тук-тук тук-тук:

— Тук тук-тук-тук тук, хы-хы-ых. Че встал в проходе, заходи, — старик указал мне на кресло, стоящее у дальней от выхода стены.

Выбора нет, придется выслушать деда и отблагодарить в меру своих возможностей и без ущерба своему достоинству. Не нравится мне его улыбка. Слишком много смыслов в одном жесте.

— Благодарю, что спасли меня, — начать общение с вежливости практически беспроблемная стратегия.

— Отблаговаришь делом, никто. А, кстати, как звать тебя? — вопрос простой, но, поразмыслив, понял, что ответ критически сложный.

— Я не помню. Честно. — ответил я, параллельно считывая информацию с лица собеседника. Удивится, разозлится, не важно. Однажды Лодочник говорил, что нельзя называть причину своей смерти. Вдруг с именем тоже есть свой нюанс.

— Прискорбно, хы-ых. Имя — оно ведь вес имеет. Знаешь свое имя, считай, смог чуть высунуть голову из огромной ямы говна, хы-ых. — Дед снова начал настукивать крайне ужасный ритм.

— Можно без иносказательности. Пожалуйста, — вовремя пришлось спохватиться. Слишком много личностей, встреченных мной, пытаются выпендриваться своими знаниями передо мной. Либо в Срединном мире по-другому не умеют. Запомню.

— Иначе ты думать не захочешь. Голова не для того, чтобы в нее есть. Ею, хы-ых, — он пальцем постучал себе по виску, — думают, размышляют, анализируют. Прошлая жизнь побила, да? Я же вижу, как глаза мечутся в поисках альтернативного решения, если разговор пойдет немного, хы-ых, грубее.

— Так что с моим именем не так, — сделал вид, что не заметил его упреков. Хотя обидно, я всегда считал, что осматриваюсь незаметно. А когда это «всегда» было?

— Имя. Его достойны не все, особенно среди душ, живущих в Срединном мире. Точнее, наоборот, сложнее найти недостойного, хы-ых. Не повезло тебе, никто, остался без имени. Добро пожаловать к сброду маргиналов, уродов и изгоев, хы-хы-ых, — он словно церемониймейстер расправил руки в широком жесте. Приглашение, от которого нельзя отказаться. Точнее, можно, но не получится. Не сейчас.

— Боюсь, там, — я многозначительно кивнул через плечо, — меня мало кто звал по имени. Наверное, и не помню. Я ведь оказался в этом не самом благоприятном месте по чистой случайности и встретил Вас. Но Вы имеете имя, как так вышло? — надо было вернуть разговор про значение имени, а не грубить. Но сказанного не вернуть.

— Во-первых, благоприятный у меня дом. Во-вторых, имя можно заслужить, — он ткнул в меня пальцем, что ноготь спокойно проколол бы грудь. — и в-третьих, имя было со мной всегда, хы-ых. Так что вы — лох, уважаемый никто. — Его явно веселило общение со мной. Все как в прошлой жизни, но с отличием. От него не пышет злобой или надменностью. Просто безумец развлекает себя в меру возможностей, упавших ему в руки. В буквальном смысле.

— Тебе стоит научиться думать быстрее, хы-ых. Вернемся к делу. Сущая мелочь для здешнего сброда, которых Разумными звать противно. Есть у меня сарайчик с добром всяким, но завелись там давеча, хы-ых, вредители. Надо бы избавиться от них. — Я хотел было уточнить, о ком речь, но то, как настойчиво старик всунул мне в руки нож, выбило все мысли разом. Это что за вредители, которых возьмет только тесак?

— Идем, не отставай, хы-ых.

Я направился вслед за стариком, и только когда мы подошли к ветхому зданию, которое дед гордо называл сараем, заметил, как сильно я сжимаю рукоять тесака. Моя новая жизнь начнется с роли мясника? Сурово. Могу ли я отказаться? Возможно. Буду ли отказываться?..

— Вот мы и на месте. Давай, никто, помоги дряхлому деду из неблагоприятных трущоб. И будет тебе имя — Великий Сансон, хы-хы-ых. А я пока тут посижу, вдруг подругу тебе найду, хы-ых.

Прекрасные наставления, мне и без того тошно, а сейчас я готов повернуть обратно и бежать, бежать и бежать. Но — надо, не время для малодушия. Было бы бесчестно не вернуть долг. А вредители. Вредители есть всегда и везде. И в сарае тоже.

Дверь была закрыта на рычаг, который достаточно приподнять, чтобы она сама открылась. Вечерний свет осветил довольно большое помещение, по центру возвышалась моя тень, по углам были стеллажи с неизвестным содержимым, углы заставлены бочками и мешками. Еще была пыль. Много пыли. И уродливые следы крайне огромного количества лапок предполагаемых вредителей. «Давеча, да?» — усмехнулся я и решил войти в сарай.

По сценарию дверь должна была закрыться со страшным скрипом, а не старым хрипом. Дед испугался, что я сбегу? Один раз я попытался сбежать. Итог — это мне не помогло. Я крепче сжал тесак и постарался полностью абстрагироваться от своих бешеных мыслей. Зрение

не помощник, слух — спасение. Свист ветра среди прорех в крыше сарая, частые удары моего сердца. Писк. Слева.

Я успел выставить руку прежде, чем омерзительная пасть с двумя кривыми передними резцами отгрызла мне нос. Предплечье охватила пронзительная резкая боль. Вредитель, больше похожий на мерзкую химеру из белки и сороконожки. Она вцепилась в руку, и, скорее всего, резцы застряли меж мышц. Нет времени на саможаления, слепой удар тесаком по туше, из-за того, что уродец был навесу, я его только поцарапал. Боль стрельнула с новой силой, впрыснулся в кровь адреналин. Стало легче, теперь я прицелился в район предполагаемой шеи, или что у этой химеры соединяет торс и голову. Удар, тесак вошел наполовину. От боли тварь смогла вырвать зубы из моей руки. Хлынула кровь вперемешку с зеленой жидкостью от сорокобелки.

Рука отнялась, но боль осталась, жгучая, словно крапива, но стократ отвратительней. Если бы чувства мерзости и отвращения можно было испытывать болью, то это именно оно. Сама тварь забилась в судорогах, первый признак скорой смерти. Но есть наитие: пока вредитель жив — он жив. Надо довершить начатое, мало ли что можно ожидать от тварей, особенно столь мерзотных, в этом дивном новом мире.

Я дошел до уродца. Левая рука изнывала от боли. Кожа на костяшках правой руки лопнула от напряжения. Тошнотворная смесь адреналина, крови и смерти витает в воздухе. Я должен доделать начатое. Занес тесак над головой. «Метьвшею. Метьвшею. Метьвшею» — билось у меня в голове. Я занял новую для себя роль. Победителю все, проигравший лишится головы. Власть над чужой жизнью. Как это мерзко.

Секунда, и все было бы кончено. Чья-то рука взяла меня за запястье и сжала его так, что тесак выскользнул из ладони, так жадно держащей рукоять вершителя судеб. Эта рука насильно заставила меня взяться за рубленую рану сорокобелки. Пальцы вошли в плоть, желчь, кровь и мясо забились под ногти.

— Приятные ощущения, правда? — Стальным голосом с нотками безумия пробормотал старик Илларион. — Жизнь, что когда-то была ключом, оборвалась. Хорошо ли это или плохо, решишь потом. Чувствуешь, как жжется в пальцах? У таких вредителей есть уникальная особенность — ядовитая кровь, — старик говорил и говорил, я не мог разобрать смыслов в его словах. Вся моя концентрация уходила на сдерживание болезненных стонов. Мало было предплечья. Теперь мои пальцы разъедало, словно я держу их в кипятке! Потеря крови, шок, боль. И снова боль...

— Не убирай руки! Добей это несчастное создание. Нащупай мягкий хребет. Нащупал? Не теряйся! — Старик треснул меня по щекам, отчего полились предательские слезы. Пришлось растворяющимися пальцами нащупать тонкий позвоночник твари. Секундная передышка, и рука старика вырвала мою из плоти сорокобелки, — ценный ресурс, можно сделать настойки, хы-ых. Теперь точно, добро пожаловать в Срединный мир, хы-хы-ых! — Старик что-то еще говорил, но я уже был в полусознательном состоянии. Битва с вредителем заняла от силы минут пять, но качество этих событий вымотало меня физически и ментально. Перед тем как отключиться, на периферии я увидел:

«Материальный аспект:

Сопротивление проникающему урону увеличено +1

Сопротивление режущему урону увеличено +1»

«Ментальный аспект:

Сопротивление чувству отвращения увеличено +2

Сопротивление сильному стрессу увеличено +1»

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс стези: |0.70 ...1.00|»

Глава 5

И снова эта комната. Нездоровая тенденция. Один раз — случай, два — совпадение. Надеюсь, третьего не произойдет. Никогда не знаешь, когда потеря сознания станет последней.

Мысли выбил зуд в левом предплечье. Обработанная травами рана напомнила о недавних событиях. Этот безумный старик Лари... Чего он хотел добиться? Сделать меня должным за еще одно лечение? Станный бизнес. Это если бы в травмпункте после снятия гипса на выходе ломали колени. Дед не так прост, он преследует только ему ведомые цели, и я оказался в центре его сумасшедшего внимания. Но при всем при этом он относится ко мне минимум нейтрально, делится крохами информации об этом мире. Это единственное, что меня удерживает от побега из этого странного места. Да и куда я денусь? Я особо ничего не умею, нет базовой информации об этом мире. А как новоприбывшие адаптируются? Не Путем одним едины. Странно. Надо будет обдумать, а пока уделю внимание этому самому Пути.

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс стези: |0.70 ...1.00|»

«Материальный аспект:

Сопротивление физическому тупому урону = 1

Сопротивление проникающему урону = 1

Сопротивление режущему урону = 1

Сопротивление гастрономическому голоду = 1»

«Ментальный аспект:

Сопротивление чувству отвержения = 2

Сопротивление сильному стрессу = 1»

Что значат фразы, я понимаю, но что значат цифры? Какая система единиц, какое начало отсчета? Боюсь, это можно проверить только опытным путем. Да и в чем проблема была объединить все подпункты в просто **«сопротивление физическому урону»** и точка? А еще **«сопротивление чувству отвращения»**? Оно бы повысилось до сотни, как я ту гадину увидел. Как много вопросов. Нужен дед с его загадками.

— Очнулся? Кажется, я уже говорил это сегодня, хы-ых. Не дрейфь, никто, ты справился с вредителями на пять из десяти. Для такой хрупкой души, как ты, это сильное достижение, можешь собой гордиться. Убить Постороннего, хоть и животное, серьезное предприятие. — Илларион одобрительно кивнул мне, что, в его представлении, должно было меня воодушевить. Но его речь породила еще тонну вопросов.

— Дед Илларион, обязательно было меня мучить во время моего задания?

— Оказалось, что да, безымянный. Такие, как ты, редкость в этом мире, обычно вы отправляетесь в План повыше. Либо в абсолютное дно. Так вот, никто, вам подобные обладают таким Путем, что ломают представление о природе, назначении и смысле этих самых Путей. Кто-то развивает внутреннее ядро, у кого-то культивация своих духовных сил, чаще всего встречается упрощенная система развития духовно-материального. Не суть. Идея в том, что большинство совершенствуется в своем пути за счет **Духа**, универсальной энергии Среднего мира, она же и является основной валютой. Вкинул **сто духа**, и балдеешь от того, что поднял свой потолок развития. Ведь у всего есть свой предел, или порог, если удобно. **Дух** раздвигает рамки дозволенного материальному телу. — Старик перевел дыхание. Забавно, что

разговоры на серьезные темы он не сопровождает своим ехидным хыканьем. — Идея вроде как веселая: дать смысл жизни и одновременно адаптировать Разумных к духовно-материальному Мирозданию. И вот мы подходим к вопросу: зачем было тебе жечь пальцы кислотой и заставлять своими руками отнимать жизнь? Ответ прост — **дух** можно отнять. Жизнь достаточно ценная вещь, не важно чья. Этот мир дал цену каждой жизни в духовном эквиваленте. Убил двух Животных Посторонних — поднял ступень, убил десятку — уже три ступени. Так что, прикоснуться к чужой смерти в тепличных условиях - отличное решение, хвалю. Сам бы не догадался, хы-ых. - Дед посмаковал собственную шутку и продолжил. - Крайне личный вопрос: ты получил оповещение о поглощении **духа**?

— Нет, — перепроверив несколько раз, ответил я.

— Ты, безымянная душа, не нуждаешься в развитии своего порога, как и другие до тебя. Ты поглотил **дух** бедного Постороннего, но он ушел не на развитие, а так, сквозь твои пальцы. Поэтому вас и недолюбливают, считают, что вам достался невиданный дар. Забавно, хы-ых, многие даже после своей смерти не видят очевидного. Можно ли считать вторую жизнь даром, которая наполнена грязью и пороками?

— Значит, мне Путь и не нужен?

— С чего ты так решил? Я же говорил, у него два основных назначения. Один отпал, остался второй — адаптация к Срединному миру. Раз ты здесь очутился, значит, надо жизнь свою, хы-ых, прожить. А без Пути будешь среди червей. Не самый плохой расклад, хы-хы-ых.

— Кто такие Посторонние? — Раз дед разговорился, нужно использовать это по максимуму.

— Угадай, — или не получится использовать. Ну ладно, загадки так загадки.

— Не из Срединного мира? — Илларион кивнул, мол, продолжай мысль, — раз Разумные оказываются здесь из Материального Плана, то Посторонние должны лезть из Духовного? — Старик расплылся в ехидной улыбке.

— А говоришь не знаешь, хы-ых. Все так, у Срединного мира много функций, одна из которых — барьер между хрупким Материальным Планом и доминирующим Духовным. Если бы не Он, материальный мир давно бы превратился в рассадник хаоса. Это если б законы гравитации работали по настроению, или столы и стулья бегали по комнате, ведь наделены душой. А что из себя представляет Срединный мир, ты по идее уже знаешь.

— Да, симбиоз Духа и Материи.

— Верно, безымянный, а теперь подытожь все, что я сказал. Больно смешно ты глаза щуришь, когда думаешь, хы-ых.

— Срединный мир — барьер. Посторонние пришли из Духовного Плана, Разумные из Материального. **Дух** — главная ценность в этом мире, эквивалент чьей-то жизни. Но встает вопрос: почему Разумные еще не перебили друг друга?

— Погуляешь по миру — поймешь. Скажу так, добыть за счет убийства **дух** — один из возможных путей. **Дух** можно передать, при должных способностях украсть, его можно развить в себе. Все-таки большинство Разумных — разумны, хы-ых. Сколько лет живу, во всех различных мирах есть моральный запрет на убийство. Конечно, со своими оговорками, хы-ых, но исключений не было. Верь в людей, хы-хы-ых. — Последняя фраза его особенно насмешила, мне же стало обидней, что ли?

Я погрузился в свои мысли, пытаюсь структурировать сказанное стариком Лари. Поменились декорации, правила пьесы остались прежними. Но изменился еще и я. И я верю, что мой Путь позволит поставить этот спектакль со счастливым финалом. Но для этого вернемся к базовым потребностям. Я узнал, что нужно зарабатывать, как это можно сделать, осталось понять где. Как-то незаметно для своей совести я решил, что путь Охоты на Посторонних — единственно верный, но боюсь, даже в таком огромном районе не найдется столько сараев с лишними вредителями.

— Старик Лари, расскажи, где искать Посторонних? — Уверенно спросил я, и губы деда снова расплылись в улыбке.

— Прекрасный настрой, никто. Как только выйдешь из Ирефеса, ты узришь всю красоту этого мира. Ищи странности или просто гуляй по тропам. Поверь, неприятности тебя найдут первыми. Или приятности, если ты сильнее, хы-ых. — Тут дед немного замялся, но продолжил. — Ты это, если хош, можешь у меня сарай арендовать, там как раз ничего опасного нет, поэтому и аренда немного повысилась, хы-ых.

— Так я же убил всех вредителей? — Неожиданно возмутился я. Этот дед умеет создавать эмоциональные качели.

— Спасибо. А теперь иди отдыхать. Потеря сознания не избавляет от усталости, — старик Илларион вышел первый и направился, судя по скрипам, в свое любимое кресло-качалку.

Сарай встретил меня удивительной чистотой, хотя оставались воспоминания, как здесь все было залито зеленой жижей и моей кровью. Даже пыли нету. Дед постарался? Невиданная прыть в совокупности со способностями пророка. Откуда он знал, что я соглашусь?

Я лег на настил из сена, рядом лежал хозинвентарь: вилы, зубило, молотки. В прорехах на потолке можно было увидеть ночное небо. Ночь была удивительно ясной, и даже наблюдались звёзды, скорее всего ничего общего не имеющие с земными. Первый день принес много событий, с головой окунув в них. Первая ночь в новом мире с крышей над головой. Неплохой старт. Один вопрос мучает: почему дед не поселил в комнате, где я два раза приходил в себя? Размышляя над этой загадкой вселенной, я не заметил, как уснул.

Вокруг летали мелкие насекомые, похожие на светлячков. Я стоял у края летающего острова и смотрел в бесконечный океан. Он был странный: толща воды образовывала холмы и каньоны, будто забыв свои физические свойства. Волны шли вертикально, а потом обрушивались всей массой вниз. Предо мной стоял силуэт человека. Маленький. Не могу определить пол. Он медленно разворачивается ко мне, чем ближе он разворачивался, тем сильнее бушевала вода. Из темно-зеленого цвета волны перешли в бордовый. Я увидел лицо существа предо мной. Фасеточные глаза, в каждой ячейке которых по зрачку. Рот и нос отсутствовали.

— Поздравляю с моей смертью! — Сказало нечто, тоном выражая безмерную радость и счастье. Я не мог ни ответить, ни двинуться. Я стоял и смотрел, как в глазах существа играло веселье.

Сон. Это был всего-навсего сон. Моя одежда пропиталась потом, на лбу выступила испарина. Не ожидал, что убийство, хоть и не разумного, но все же существа, так скажется на моей психике.

Руки вроде перестали трястись. Надо собраться. Теперь это обыденность. Какая в бездну обыденность?! Так, пора успокоиться. Это не обыденность, а новая реальность. Осталось себя в ней определить. Мерзость.

Я встал с соломы, на которой спал, отряхнул застрявшие веточки с рубахи и двинул к жилищу деда. Он — единственная возможность встать на ноги в Срединном мире. Если провести ретроспективу наших с ним отношений, то складывается мнение, будто он меня ждал. Не могу представить, чтобы такому, как мне, хотя бы помогли. Странно это все. Или это как раз нормально, что странно? Надо понять, чего именно от меня хочет старик Лари. Он будто привязывает меня к себе, создаёт ситуацию, в которой я без него буду чувствовать свою беспомощность. Нет, несостоятельность? Короче, не смогу существовать без него. Не, это вообще бред. Ворох глупых мыслей. Хотя я с ними согласен. Сейчас старик — самый лучший вариант, потому что лучше остальных проверен. Мдэ-э.

Я постучал три раза. Гулко были слышны скрипы, ворчание и, по-моему, что-то сломалось.

— Кто приперся, гхы?! А, это ты, никто, заходи, — меня очень насторожило его «гхы», — сейчас чаек будет, а за чаем всяк разговор проще стелится, особенно в моем возрасте, хы-ых. — На сей раз «хы-ых» был добрее.

Через пять минут я сидел напротив Иллариона с кружкой травяного чая. Интересно, что чай на вид и запах никак не соответствовал общему антуражу дома, да и района в целом, который, к слову, незамысловато называют Свалкой. Значит, кислотная река да бензиновые берега мне не показались. Я сделал осторожный глоток. Первое время прислушивался к своим ощущениям. Тепло пошло вниз по телу, сразу распространяясь по всем его частям. Вкус немного терпкий и землистый, слышен аромат околомятной травы. Есть аналог шалфея, но более бодрящий. Чай отличный, особенно для утра, когда нужен заряд бодрости и сил. Восемь из десяти.

— Пей, пей, а я тебе кое-чего скажу. Таить не буду, ты парень уникальный в своем роде. В тебе нет одного из самых мерзких пороков — безразличия. А значит, если случайному бедному и, хы-ых, несчастному старику понадобится помощь, то ты ж поможешь, а? Хы-хы-ых. — Я даже примерно не могу догадаться, что он от меня хочет. Пьем чай и слушаем дальше, — Мы, считай, команда. Ты молодой и амбициозный, я — старый, но мудрый, хы-ых. Предлагаю сделку: поработай какое-то время на меня, и тебе выгода, и мне.

— В чем Ваша выгода? — задал самый интересующий меня вопрос.

— В том, что делать делишки буду не я, а ты, — не задумываясь ответил он. До безобразия логично.

— В чем тогда моя выгода?

— Во, правильный вопрос, хы-ых. Твоя выгода в том, что ты не умрешь. Знаешь ли, тут всяких маньяков с тесаками развелось, а без должных навыков и знаний от них будет так просто не отбиться, хы-хы-ых. — Вот зачем он это вспомнил? Соберись!

— Вы правы. И я премного благодарен за вашу заботу и отзывчивость, — я поклонился старику, а того от моих благодарностей скрутило так, что откашливался он с минуту. Надо запомнить, рабочий способ выбить из равновесия собеседника, хе-хе. Вот гадство, понабрался! — Все так и есть, мои навыки — никакие, боюсь, в прошлой жизни меня можно назвать просто посредственностью. Научите меня выживать.

— Выживать, говоришь... Верное ты слово подобрал, — он почесал седую бороду в раздумьях. — Будет тебе наука, но сначала — дело. Надо сходить к Белой Поляне, нарвать Горькушки. Трава такая с белыми цветками с формой кочана и листьями, крайне острыми. Нарви корзинку и приходи.

— А в чем, собственно, заключается дело? — Есть у меня мнение по поводу подозрительной лёгкости задания вида «принеси-подай».

— Увидишь, хы-хы-ых.

Глава 6

Белая Поляна, как оказалось, была не так далеко от дома деда. Два квартала туда, три сюда, перепрыгнуть речку, в которой плавала синеватая муть явно метафизического происхождения. Спустя минут двадцать я был у края этой поляны.

Она была белой. Невероятно, но название не обмануло. Белая Поляна была относительно небольшой — несколько сотен метров в длину и ширину. Первая странность — почти нет зелени. Белая земля с некоторыми вкраплениями тёмно-коричневого чернозема — и все. Из растений я видел только убогие кустики с белыми цветочками, незаметными на фоне белой земли. Вторая странность — это свет. Его здесь слишком много, будто сюда сфокусировались стадионные прожекторы. Дело по добыче Горькушки обретает все более подозрительный характер.

Я аккуратно дотронулся до границы Поляны. А вот и причина моих подозрений. Жгучая, резкая боль разразилась на пальце. Но вместо того, чтобы нехотя угаснуть, боль перешла в новую атаку.

Я слезящимися глазами взглянул на палец. Рана явно ожоговая, из которой тонкой струйкой поднимается жёлто-серый дым. Белый фосфор. Явно метафизической природы. Зараза, как же больно... Читал где-то, что белый фосфор будет жечь, пока не прожжет все на своем пути. Зараза...

Пока я перебирал в голове варианты, как избавиться от этой боли, пришло уведомление:

«Материальный Аспект:

Термическое сопротивление кожного покрова увеличено +1

Термическое сопротивление мышечной ткани увеличено +1»

«Путь страданий

Канон первый: Боль — это информация

Прогресс тези: |0.90 ...1.00|»

Не вовремя! Так, собраться, бывало и хуже. Фосфор, фосфор, фосфор, вспоминай! Боль от ожогов, которые появились уже внутри пальца, подстёгивает мозг на работу. Белый фосфор — это камень, значит, внутри моего пальца находится этот безжалостный осколок. Осталось понять, как его вытащить? Радикальный вариант по отсечению пальца побережем на случай, когда от боли разум поплывет. Ага, а потом рану прижгу этим же белым фосфором. Цикл бесконечный, отбрасываем идею. Какой шанс его вытряхнуть? Или оставить палец на весу раной вниз. Мерзость, чем дольше думаю, тем меньше остается от указательного пальца. А если бы я ногой наступил? Не хочу думать. Не могу думать. Есть только боль и мои действия.

Я опустил трясущуюся руку, палец смотрит в землю. Ждать или выдавить? А смысл, еще сильнее прожгу плоть. И не уверен я, что мой метод вообще сработает. Здешней воде я не доверяю. Мало было термического ожога, добыю себя химическим. Пусть это побыстрее закончится...

Не знаю, сколько я так стоял. Не помню ничего, кроме всежигающей боли. Я чувствовал, как этот пыточный камешек неохотно полз вниз, каждая грань которого будто резала меня на лоскуты. А это всего лишь палец. Что бы меня ждало, вступи я ногой на Поляну?!

В себя пришел я, когда боль перешла в ноющую фазу. Больно было только от воспоминаний о тех страданиях, что я пережил. Я взглянул в себя, проверяя свое состояние. Проверил и Путь:

«Материальный Аспект:

Термическое сопротивление кожного покрова увеличено +1

Термическое сопротивление мышечной ткани увеличено +1»

«Поздравляю, Идущий. Вы открыли новую грань себя.

Развивайтесь во имя Его

Канон первый: "боль — это информация" — открыт.

Боль — это первый из источников информации для человека. С младенчества и до заката жизни боль позволяет многое узнать об этом мире и о самом себе.

Вы овладели этой способностью в должной мере. Каждый источник боли будет дарить информацию о себе. Но помните: урок не может быть усвоен без крови и боли.»

«Путь страданий

Канон второй: Боль — это развитие

Прогресс стези: |1.10 ...10.00|»

Какая прелесть. Кто-то радуется моим успехам. Новое чувство. Возможно, мне отвечают заготовленными фразами и есть бездушная машина, которая всем рассылает поздравления, но все же... Приятно. Приятно...

Я оценил масштаб трагедии. Если присмотреться, можно разглядеть в ожоговой ране кончик кости. Зрелище ужасное, но ужасное я пережил сам, а это так, след истории. Палец еще ноет. Нет идей, как зарастить такую рану, если вообще есть такие возможности. Это Срединный мир, тут старая логика не работает. Придется не удивиться, если увижу летающих Разумных или битвы с самой настоящей магией. Или как она тут называется. Это круто. Но сейчас не об этом.

Когда неожиданное испытание отступило, пора сделать анализ действий. Если вкратце, поступил крайне глупо. Поддался панике. Можно было найти все-таки чистую воду или хотя бы водосодержащий продукт. Или перекрыть воздух, чтобы кислород не поддерживал процесс горения. Или, на крайняк, — бежать к старику Лари за помощью. Да, выглядел бы потешно в его глазах, но мне все равно. Не в первой быть посмешищем. Главное — остаться здоровым. Но все же дед отпадает, мне бы мои крохи гордости не позволили бы с вернуться пустыми руками. Принцип мог бы погубить. Дилемма. Сложно. Не буду пока думать об этом.

Белый фосфор подарил мне кроме боли еще информацию о себе:

«Бледный фосфор — *phosphoro pallidus* — симбиотический (материальный и духовный) элемент. Проявляет материальные свойства белого фосфора и духовные свойства чревоугодия. Бледный фосфор опасен для органических структур, вреден для неорганических, не проявляет себя с духовными проявлениями.»

«Процент изучения "бледный фосфор" — 45/100»

Есть две новости. Хорошая и как всегда. Как всегда мне повезло. Точнее, могло повезти, если бы не моя осторожность. Но винить ее незачем. Хорошая, что боль обретает все новые смыслы. Мой извечный спутник здесь будет напрямую влиять на мое развитие. Вся эта ситуация дала ответы, но и родила новые вопросы.

Как добраться до Горькушки? Ответ получен — обутым. Новый вопрос: как ее срывать? Вдруг история с Бледным Фосфором повторится? Вариант есть: срывать защищенными руками. Пока вопрос закрыт. Дальше. Процент изучения (45/100). Мне выжгло кожу и мясо, и я получил основную информацию. Значит, чтобы добить изучение до ста процентов, нужно

выжечь пару-тройку внутренних органов. Или, на худой конец, фалангу скормлю Бледному Фосфору. Брр, как я спокойно говорю о будущих экзекуциях. Привыкаю? К боли привыкнуть нельзя, это я знаю. Очень долго знаю. Дело. Надо завершить дело.

Я снял кроссовок, почему не сделал так сразу, и проверил теорию на практике. Подошва начала немного шипеть, но запаха жженой резины не последовало. Предполагаю, что до полного износа обуви во время ходьбы по Белой Поляне около десяти-пятнадцати минут. Наполнить маленькую корзинку с крышкой мне времени хватит. За дело.

Помня ту выжигающую боль, я очень осторожно ступил на край Поляны. Услышал тихое шипение, и на этом все. Перенес вес на ногу. Шипение стало чуть громче. Пошел обратный отсчет. Главное, не разучиться ходить и не упасть. Зачем я это сказал?! Тишина в голове! Идем, считаем шаги, концентрируемся на дороге. Шаг, второй, шаг, четвертый. Идем неспешно.

Тактически пробираясь по практически ровной поляне, я дошел до куста с заветной травой. Выглядела она как и описывал ее старик: гадкая, но полезная. Я перемотанными тканью пальцами взялся за стебель. Реакции не было. Оторвал стебель. Из обрубка со стороны корневища хлынуло пламя, небольшое, как от зажигалки. Спецэффект интересный, но я был готов почти ко всему, потому быстро нарвал остальные травы, наполнив корзину наполовину. Осталось минимум пять минут. Скорее к другому кусту.

Задача выполнена наполовину, следует вернуться назад, на безопасную холодную землю. Никогда так не скучал по прохладной влажной грязи. Как бы пяточек не вырос от таких желаний. Ведь желания материальны, так же говорили? Нет, иначе жизнь моя была бы более счастливой. Нет времени на саможаления. Вперед, остались считанные минуты, я уже чую жженую резину.

Последние метры я преодолел вприпрыжку. Два, один, и спасительная земля.

Белая Поляна осталась на почтительном расстоянии в три метра, а я наконец смог выдохнуть с облегчением. Бешеный стресс. Неотступающая тревога, сердце пытается сбежать от такого безрассудного хозяина. Но я справился. Кое-как, но справился. Маленькие победы окрыляют.

— Хы-хы-ых, так и думал, хы-хы! — Первое, что сделал дед, так это начал смеяться. Естественно, надо мной. Других причин для радости у него нет. — Нет бы просто погулять по полянке, нет, решил проверить, хы-ых! — Дед отсмеялся и стал серьезнее. — Ты правильно оценил подозрительность места, но не все можно проверять собой. Справиться новой душе с Бледным Фосфором, не имея аптечки и каких-либо знаний, похвально. Ко мне не побежал?.. — Мой смурный взгляд кое-что дал понять Иллариону. — По личным соображениям, хы-ых. Пойдем.

И я пошел за ним в дом. Палец практически не болел, но случайный взгляд на ожог возвращал память о прекрасных минутах пытки огнем. Я сел на привычное место напротив скрипучего кресла старика. Или это старик скрипучий. Нужно проверить, но потом.

— А теперь, дружок, рассказывай, чему тебя научила эта история?

— Не проверять все на себе, — смущенно и при этом ворчливо ответил я, — второе, необходимо научиться лучше думать в стрессовых ситуациях, — на что дед одобрительно кивнул, — третье, нужно иметь при себе аптечку, но тут спорно. У меня не было информации об особенностях Белой Поляны.

— Первое — правильно. Существует множество возможностей и способностей для проверки обстановки. Некоторые достигают таких высот, что могут по взгляду на след ступни проложить предполагаемый маршрут цели на километры вперед. Но это пока пустое, — обломал мои надежды старик. Очень хотелось бы послушать о таких Разумных. — Второе — правильно

вдвойне. Этот навык может прийти как с опытом, так и существует возможность развить его с помощью тренировок, медитаций и прочее-прочее. А вот третье и вправду спорно. Никто тебе не предскажет будущее, ты никогда не сможешь знать, что именно тебя спасет от смерти. Подготовка — это правильно, но это не панацея, хы-ых. Как сейчас вспоминаю; собрались как-то мужики да бабы в рейд за наш прекрасный Ирефес. Подготовились идеально: и спальники, и набор препаратов различной степени паршивости, одним словом, шли в поход. А потом их сожрал Посторонний летающего типа, хы-ых. Забыли баллисту, с кем не бывает.

Эту историю дед рассказывал с нескрываемым удовольствием, а во мне зародился интерес вперемешку со страхом. Как иронично: умереть, снова жить, чтобы потом снова умереть.

— Главное, ты сделал, выделил свои ошибки. А это, между прочим, половина пути к саморазвитию. А вторая половина?.. — дед многозначительно посмотрел на меня.

— ...Это найти способ исправления ошибок, — продолжил я за него.

— Какой способный ученик, хы-хы-ых, — снова дед улыбнулся во все оставшиеся зубы.

— Только у меня проблема — я не имею представления, как решить эти три ошибки, — честно признался я, — мои знания из прошлой жизни случайно спасли меня от полной потери пальца, до сих пор дрожу от мысли, что бы было, если б я упал на той Поляне. Научите, Илларион.

— Куда ж я денусь, хы-ых, — дед взял корзинку с нарванной травой, — первый урок — у всего в Срединном мире есть польза или вред. — Он взял пальцами белый цветок Горькушки и стал перетирать его до состояния пыли, — смотри по сторонам, смотри под ноги. Там, где миллионы пройдут мимо, ты найдешь, хы-ых, спасение! — На этих словах он схватил мою руку и насильно затолкал порошок в рану на пальце. И вот она. Снова Боль. Если Бледный Фосфор выжигал меня словно палач, то пыль от Горькушки словно хирург, проводящий операцию без анестезии. Боль сравнима, но при этом я начал отличать ее характер.

— Горькушка обладает регенеративными свойствами и подталкивает организм к естественной регенерации. Есть умельцы, делающие из нее энергетик, но кроме Зеленых Разумных никто его не сможет использовать в полной мере, — пока я шипел сквозь ворот футболки, дед рассказывал почти все то, что я и так знал благодаря Пути. — С Зелеными ты тоже познакомишься. Наши различия — они больше флора, чем, хы-ых, фауна. О, пошло добро, хы-хы-ых. — Старик Лари обратил мое внимание на палец, который начал зарастать.

Я наблюдал, как мясо, словно живое, медленно, но целеустремленно увеличивалось и наращивалось, заполняя все пустоты. Это, наверное, и есть «подталкивать организм к регенерации». Хочу верить, что организм хорошо знает самого себя и не забудет нарастить нервных окончаний.

Через пять минут новых страданий от былой раны осталась лишь жженная мозоль. Видимо, за преодоления страданий по восстановлению утраченной целостности пальца, Путь решил меня наградить:

«Материальный Аспект:

Регенерация кожной ткани увеличена +1

Регенерация мышечной ткани увеличена +1»

«Путь страданий

Канон второй: Боль — это развитие

Прогресс стези: |1.30 ...10.00|»

Интересно, что я должен буду сделать, чтобы перекаченная регенерация за секунды отрицала конечности. Если учесть, что за каждым плюсиком стоит Боль... Плюсики становятся

крестиками. Но все это проблемы меня будущего. Нет, скверная мысль. Нужно о себе будущем заботиться. Поэтому взглянем на... Пусть будут «характеристики». Мой Путь выглядит так:

«Материальный аспект:

Сопротивление физическому тупому урону = 1

Сопротивление проникающему урону = 1

Сопротивление режущему урону = 1

Сопротивление гастрономическому голоду = 1

Термическое сопротивление кожного покрова = 2

Термическое сопротивление мышечной ткани = 2

Регенерация кожной ткани = 1

Регенерация мышечной ткани = 1»

«Ментальный Аспект:

Сопротивление чувству отвращения = 2

Сопротивление сильному стрессу = 1»

«Путь страданий

Канон второй: Боль — это развитие

Прогресс стези: |1.30 ...10.00|»

Есть куда расти. Есть к чему стремиться. Это хорошо. Следующий шаг моего Пути — проверить значения характеристик. Записать. Потом сравнить. У меня еще много работы.

Глава 7

Пятнадцать. Шестнадцать. Руки уже налились сталью, мышцы рвутся. Боль, изначально приятная, перешла в ноющую и давящую. Пот стекает со лба, льется в глаза. Щипет. Больно. Неприятно. Но я обязан продолжать. Семнадцать. Восемнадцать.

— О чем задумался, никто? Чего не отвечаешь, занят чем, хы-ых? — Издевался старик. С каждым новым отжиманием я все больше ненавидел деда Лари. Разумом я понимаю всю глупость этого чувства, но тело, изнывающее от непривычной нагрузки, выражает негодование. Я сам согласился на такие тренировки. До этого я когда-то пытался заниматься спортом. «Постоять за себя», как говорили. Итог плачевный, груша для отработки приемов, не больше. Снова бесполезные воспоминания. Деятнадцать.

— Зачем вообще развивать тело, если у разумных есть мозг? Человек не может быть сильнее гориллы или слона, не будет плавать быстрее рыбы. Так зачем тратить время на тело, когда можно качать разум? Ответ прост, — старик дождался, когда я еле-еле доделаю двадцатое отжимание, — в Срединном мире имеют смысл все три аспекта: тело, разум и душа. Здесь можно стать и сильнее дракона, и умнее архонта, и духовно более развитым, чем святые.

— Почему тогда было не начать с разума? — Я лежал и отдыхал после подхода. Третьего по счету. Хотелось себя пожалеть, и такие вопросы — результат малодушия. Плохо. Это может помешать развитию.

— А смысл наносить узор на хрупкую вазу? Или затачивать незакаленный меч? Не, паря, пока ты не перестанешь шататься от слабого дуновения ветерка, продолжать серьезные дела не имеет смысла. А то, хы-ых, придется через неделю искать нового работничка. И кто придет? Тут одни уроды, тунейдцы и уроды. А, уже сказал, да, хы-ых. — Старик Лари уже разговаривать начал с самим собой, а значит, время физнагрузок завершилось. Наконец.

Так проходили дни. Уже началась вторая неделя моего пребывания в Срединном мире. Надо узнать про календарь этого мира. Дата особая, я это нутром ощущаю. Странно. Когда я стал привязываться к датам? Надо подумать...

За неделю я узнал достаточно, чтобы сложить определенную картину мира. Срединного мира. Основа всего — дух во всех его ипостасях и материя, что является фундаментом, на котором строится мир. Дух часто называют Всеэнергией, ресурс, с помощью которого возможны все чудеса, вся, как мне привычно, магия. Огненные шары, мор, проклятия — все потребляет в качестве топлива дух, или Всеэнергию. Те, кто с Земли, привыкли к мане или ци. Мне все равно. Пусть называется как угодно. Главное, что я тоже могу приобщиться к владению Всеэнергией. Это круто! Мечта детства — стать магом. Ведь магия способна творить чудеса. Вдруг я бы смог сделать себя счастливее с ее помощью. Да...

Дед как будто чувствует мои пессимистичные мысли, и поэтому притащил свой фирменный чай. Он его обычно заваривает после сложной и изнурительной тренировки.

— Пей, пока не выветрилось.

— Чай не может выветриться, — на автомате ответил я, все еще погруженный в себя.

— Да? — Он взял мою чашку и вылил содержимое в светящееся окно. Стоп, в какое окно? — Вот и все, выветрился, хы-ых.

— Это что сейчас было? — все, на что хватило моего красноречия. Надо будет книг почитать, больно быстро сокращается мой словарный запас в экстремальных ситуациях.

— А нечего клювом хрюкать, волю дай — тебя без трусов оставят, — не хочешь говорить, дед, так и скажи. — Магия, хы-ых. Слабая пространственная магия. Бестолковая в бою, но и ей есть применение.

— Научите? — с надеждой спросил я.

— Сам научишься, не забивай голову ерундой, хы-ых. — Как это ерундой, он ведь такое творит... Видимо, для него это обыденность. Но для меня мечта. Точка зрения у нас разная на одни и те же вещи.

— Все хотел спросить, но никак не мог сформулировать. Как подразделяются Разумные? Я пока стоял в очереди к Алтарю, много кого увидел. Некоторых наши фантасты описывали, Разумные и вправду чем-то похожи на героев книг. Но большинство...

— Все Разумные делятся на Зеленых, Белых и Прозрачных. Зеленые — Разумные, в основе которых флора и другая природная муть. Самыми странными, сколько себя помню, была колония вируса. Забавный, наверное, их изначальный мир, где у вируса зародилась душа. Все же пути Его неисповедимы, хы-ых. Белые — все, кто образован от животных. Мы с тобой — Белые, гордись этим и тычь остальным своим происхождением, хы-ых. Больше и не скажешь, единственное — прослеживается тенденция к антропоморфному строению всех Разумных. Конечно, льстит, что все Разумные похожи на человека. А вдруг это мы — люди — тоже на кого-то похожи, м? — Пока я слушал старика, мне налили новую кружку чая. — Прозрачные — это те Разумные, в мирах которых были духовные проявления и они с ними немного, но знакомы. Самыми частыми гостями в Срединном мире бывают так называемые элементали разной степени человечности.

— Поразительно. И ведь как-то уживаются все эти виды и подвиды.

— Вот именно, как-то. Знаешь ли, хотя откуда, Ирефес — это только начало пути, во всех смыслах. Но чем от него дальше, тем опаснее. Разумных обычно остепеняет собственная смерть. Не рядовое событие, скажу тебе, хы-ых. Возникает дилемма: казалось бы, раз ты умер и живешь вновь, то можно отрывать по полной, зная, что жизнь еще одна будет, но зачастую все наоборот. Новая жизнь ценится еще выше. Страх еще одной смерти дружно нас удерживает в своих рукавицах, хы-ых. Давайте жить дружно, пока смерть не разлучит нас. Да и не нужно тебе об этом пока думать, хы-ых. Главное, открытой межвидовой ненависти нет, нам так политики говорят, хы-ых.

— ...Еще и политика. — Я тяжело вздохнул и отпил чая.

— Еще и она, — поддержал меня старик. Так мы сидели молча и пили чай, пока тот не закончился. Как и время, выделенное на отдых.

«Материальный аспект:

Сопротивление физическому тупому урону = 3

Сопротивление проникающему урону = 1

Сопротивление режущему урону = 1

Сопротивление гастрономическому голоду = 1

Термическое сопротивление кожного покрова = 2

Термическое сопротивление мышечной ткани = 2

Регенерация кожной ткани = 2

Регенерация мышечной ткани = 2»

«Ментальный Аспект:

Сопротивление чувству отвержения = 2

Сопротивление сильному стрессу = 1»

«Путь страданий

Канон второй: Боль — это развитие

Прогресс стези: |1.70 ...10.00|»

Я глядел на развитие своего Пути и пытался понять его закономерности. Пути "Пути" неисповедимы. Бред. Мадрих говорила, что Путь — это лишь инструмент, помощник, навига-

тор. Суть одна: раз это инструмент, значит, есть закономерности и принципы его работы. Вот что мне дает в реальности информация: *«сопротивление физическому тупому урону = 3»*? Мне для проверки снова нужно найти толпу, которая изобьет меня до полумертвого состояния? Нет желания, приму на веру, что увеличение циферок меня усиливает. Но как...

Старик Лари будто чего-то ждет. От меня или от окружающей действительности, неясно. За себя могу сказать, что стал немного крепче. Характеристики растут, но та же регенерация пока особо себя не проявляет. Да, мышцы и суставы после интенсивных занятий перестают болеть на несколько часов быстрее, но и только. Как-то решил проверить ее с помощью ножа и надреза на руке. Кроме противной боли я ничего не получил, кровь свернулась примерно за то же время, что и раньше, еще тогда. Память о прошлой жизни потихоньку засыпает. Главное, навсегда не забыть. Те воспоминания, хоть и сплошь грусть и обречённость, но часть меня. Не потерять себя. Остаться человеком.

Мои размышления прервал дед с крайне неприятной ухмылкой, которая означает только одно — он что-то задумал:

— Здоровались. Есть дело, как раз твой профиль, хы-ых. — С учетом моих отрицательных навыков практически во всем, эта фраза заставляет сильнее насторожиться. Что ж ты задумал на этот раз? — Пора тебе размять кости в настоящем деле, — он про меня или себя? — Мы с тобой пойдем к Помойкам!

— Меня это тоже должно обрадовать? — Со скепсисом спросил я.

— Конечно! Ведь это место поможет в твоём развитии и моем обогащении. Идем, — дед направился к выходу, но, будто что-то забыл, выглянул из дверного проема, — и тесак прихвати. — А вот теперь стало еще и страшно. Так, спокойно. Я принял свою судьбу в свои руки. Этот мир такой. Значит, нужно подстраиваться под него. Я обязан жить. Обязан.

До Помойки мы шли около часа. Я подмечал странности и особенности окружения, а дед либо хвалил, либо делал замечания, если я пропустил что-либо важное. На его взгляд, естественно, но не доверять опыту Лари у меня причин нет. Идем, подмечаем, обсуждаем, идем дальше.

Особое внимание старик обращал на воздух. «Воздух может многое сказать про место. Затхлый, серный, влажный. Потом ты сможешь ощущать радость, грусть или боль, которая витает в атмосфере, хы-ых. Но то все с опытом, хы-хы-ых», — так мне сказал дед. Только как воздух может испытывать радость, я так и не понял. Надеюсь, пойму. Или это тест на идиота, и старик Илларион просто насмехается? Кто его поймет. Возможно, я единственный человек за долгое время, с которым он общался.

Помойка — это свалка у Свалки. Дома выдолблены в монолитах мусора. Или это норы? Дороги — сплошная грязь и слизь. Каждый шаг по этим улочкам — испытание на стойкость, которое я, зеленеющий от тошноты, прохожу с достоинством героя из мифов. Меня сейчас вырвет...

«Материальный Аспект:

Сопротивление химически токсичным средам увеличено +1»

«Ментальный Аспект:

Сопротивление чувству отвержения увеличено +1»

«Духовный Аспект:

Сопротивление Мерзотно-токсичным средам увеличено +1»

«Путь страданий

Канон второй: Боль — это развитие

Прогресс стези: |1.70 ...10.00|»

«Мерзость — тип магии комбинированного типа. Симбиоз химико-биологического загрязнения с одухотворенными эманациями чувства отвержения»

«Процент изучения "Мерзость" — 4/100»

Я смог прийти в себя только благодаря старику, который нацепил на меня маску с пахучими травами внутри. Дышать от этого не стало свободнее, но хотя бы этот гнилой запах пропал. Причем он пробивался не только в легкие, но и будто в мою душу. Брр, мерзко. Нет, это было Мерзко!

Путь мне подсказал, с чем я столкнулся на этот раз. Интересно, а возможна ли смерть от этой магии? Магии, да... Путь упростил для меня некоторые определения, за что ему огромное спасибо.

— Живой, безымянный? Это хорошо, прикинь, забыл, что Помойка на то и Помойка, хы-хы-ых, — есть подозрения, что этот противный старик ничего не забыл. Обиды копятся, хоть и незначительные. С другой стороны, я поднял **Характеристики**. Знал ли он про мой Путь? Неизвестно. — Чего застыл? Пора идти дальше. Или хочешь адаптироваться к амбре этих благоухающих мест, хы-ых? Зря, куда мы идем, будет почище.

— Ты всегда задаешь загадки, зачастую без ответа. Я теряюсь в вариантах, в которых мне может пригодиться тесак. — Методы обучения старика мне известны. Неизвестно, что будет предметом тренировки. Посторонние, магия или же Разумные. От этой мысли мне снова стало тошно. Я никогда не задумывался об убийстве Разумного. А ведь этот мир всеми силами дает тебе подсказки на этот вопрос. Не хочу об этом думать. Просто не хочу.

— Ответ прост. Тесак — отличный инструмент для разделки собачатины.

— Чего? — Я повернулся к старику за пояснениями, но тот резко для своего возраста сблизился. Секунда, и я лечу в яму, слишком напоминающую арену. Приземлился я спиной, благо успел кое-как сгруппироваться и прикрыть затылок. Я даже испугаться не успел. Падения для меня в последнее время заканчивались трагично.

— Итак, считай это промежуточным экзаменом, хы-ых. Твоя задача проста до омерзения — выживи и приди домой. Удачи, никто. — Старик смотрел на меня с уступа ямы. Я заметил, как трясся его кадык, а немигающие глаза сузились. Возможно, и для него это экзамен. Но это не утешает. Меня бросили на смерть. Единственный близкий человек. Почему так?! За что...

Я ударил себя по щеке, да так сильно, что след ладони окрасился в бордовый цвет. Ты не слышал, что сказано. Это экзамен. Суровый, как этот мир, но по-другому не выжить, не научиться. Значит, будем учиться. Сквозь боль и пот. Мы знаем, как это делается. Да, не отпускающая меня? Верно, старые привычки должны уступить место новым. Я обязан выжить. Я выживу. Любыми средствами.

Мои обещания поддержал нестройный вой, смесь плача и рыка. Собаки. С человеческим носом и глазами.

Три особи. Одна крупнее, стоит впереди, две заходят с флангов. Размеры собак небольшие, меньше взрослого лабрадора. Зубы — острые, остались от собачьей природы. Утешает, что это Посторонние.

Варианты. Нужны варианты победы, в которых я выживаю хотя бы со средними ранениями. Я не боец. Но мне нужно биться. Как? Думаю. Думаю...

Я зацепился взглядом за окружение. В дальнем левом от меня углу растеклась коричнево-бордовая лужа, радужно переливающаяся на свету. Воздух. В воздухе я чувствую гнилостный смрад. Рядом со мной — камни необычного черного цвета. Ладно. Начинаем.

Глава 8

Двести ударов в минуту. В кровь прыснул адреналин. Поле зрения увеличилось на десять градусов. Все чувства обострились. Мозг сменил парадигму: цель — выживание любой ценой. Камень в правой руке, тесак в левой. Вдох. Выдох. Начали!

Прямое попадание в нос левой твари броском камня. Если физиология человеческих частей тела работает у Посторонних, то минуты две я выиграл. Так и есть, собака дезориентирована. Дальше. Резкий прыжок в мою сторону центральной твари. Увернуться или принять на блок? Нет времени, уворот. Неудачно для нас обоих. Я успел тесаком ударить по задней лапе, мою правую руку вскользь ободрало зубами Постороннего. Перемещаюсь ближе к луже. Радужная на свету. Маслянистая структура. Жду действий третьей твари.

Мое отступление она приняла за побег и со всех ног помчалась за мной. Снова уворот, успех. Тварь пролетела мимо меня и упала в лужу. Собачий скулеж вперемешку с плачем. Посторонний завяз в бордовой субстанции. Есть время. Первая собака пришла в себя. Из человеческих, но лишенных человечности глаз льются слезы вперемешку с кровью. Когда они падали на разбитый нос, тот медленно восстанавливался. Запомню.

Первая человекособака решила рывком вгрызться в ногу. Удар. Тварь снова получила по носу. Думал, собаки будут проворнее... Спину ожгло, словно раскаленной проволокой прошлись. Третий Посторонний постарался. Боль пробилась сквозь завесу адреналина и ударила в мозг, выбивая искры. Искры. Камень. Боль не помешала мне анализировать ситуацию. Если есть маслянистое, это можно поджечь. И нет ничего страшнее для животных, чем огонь. Даже для таких уродливых, как Посторонние.

Боль вернула меня к бою, третьей твари хватило сил только на один укус. Теперь она лежит, подрагивая в агонии. Лишь бы она не занесла эту жижу в рану. Вторая, раненная в лапу, собака решила развить успех, ошибочно думая, что из-за боли я ее не вижу. Ее нелепый рывок я встретил неуклюжим ударом тесака. Рану я оставил, но не убил. Стон от третьего Постороннего затих. Я остался один против двоих. Промежуточный итог: боль мешает двигаться в полную силу, чувствую, как по спине течет и шипит кровь. Терпимо. Одна собака с разбитым носом, плохо ориентируется в пространстве, но полностью здорова. Вторая тварь с раной на сухожилии задней лапы и кровавым следом в районе брюха. «Если тварь жива, то она жива», — так, дед? Драться на равных с тесаком — критическая ошибка. Смерть свою твари разменяют серьезно. Искра. Нужна искра.

Мысли не прерывали моих действий. Я уже нащупал камень ногой, осталось его как-то поднять. Просто так мне это сделать не дадут. Нужен обман, финт, уловка. Ждать их или атаковать? Посторонних что-то гонит, что-то заставляет нападать на меня. Я убил их собрата, я почти равен им. По законам привычной природы твари должны разбежаться в страхе. Но нет, опасаются, но планируют меня убить. Значит, ждем. Это же им надо меня сожрать, а не мне, ведь так, хе-хе. Опять понабрался от деда вредных привычек.

Мое скорченное лицо твари восприняли за приступ боли и напали одновременно. Одна быстрее слева, что с разбитым лицом, вторая хромает, но уверенно сближается справа. Я не боец. Но я с мозгами. Они — нет. Их больше. Но я выживу. Они — нет.

Удар ногой о землю. Песок вперемешку с грязью и каплями маслянистой лужи полетели во вторую собаку. Визг подсказал, что все попало в глаза. Обманный замах правой рукой в первую псину. Научилась, хе-хе. Смена ее траектории совпала с дерганным движением второй твари, отчего они сбили друг друга. Они приходят в себя от пятнадцати секунд и максимум до минуты. Я обязан справиться быстрее.

Быстрым движением я разорвал новую футболку, обмотал ею ладонь. Взять за хвост третьего Постороннего, благо ему некогда жаловаться. С тяжестью и болью в спине я смог рас-

крутить тварь и бросить в приходящих в себя собак. У меня еще десять секунд. С замиранием сердца и отключенным мировосприятием я подбежал к свалке из копошащихся тел. Искра. Удар камня о тесак. Один. Нет. Два. Нету! Паника начинает захватывать мой разум. Четвертый! Частички металла с тесака попали на шкуру третьей псины. И ничего. Но только я отошёл на безопасное расстояние, чтобы продолжить битву, разразилось бордовое пламя.

Раздался вой в аккомпанементе с криком ужаса и боли. Непростая лужа. Единственная посторонняя мысль. Весь мой взор был устремлен на этот костер из меха и мяса. Я не моргал. Я смотрел и слушал. Каждый вскрик тварей ударялся в мои уши. Судорожные движения лап отпечатывались на сетчатке моих глаз. Смерть ужасна. Смерть страшна. Могло ли быть иначе в нашей с ними встрече? Мог ли я проявить благородство и убить их? Мог ли я проявить сострадание и позволить им убить себя? Вой агонии усиливался, как и мои мрачные мысли. Точнее, нарастала битва. Битва с самим собой. Собой прошлым и собой нынешним. Это тяжело. Я не хочу об этом думать. Не хочу решать. Не хочу...

Пасть первого Постороннего вынырнула из жуткого огня. Без кожи и меха, мясо сползло с костей. Глаза испарились, но казалось, что тварь смотрела именно на меня. Она в бреду начала выходить из костра. Медленно, неумолимо, целеустремленно. «Тварь жива, пока она жива», — билось в моей голове. Я пребывал далеко не здесь, но мое тело двинулось навстречу собаке. Правой ногой оно затолкало тварь обратно в костер. Стопа моя была на шее Постороннего, от которой остались куски плоти да позвоночник. Пламя затихало, как и жизнь внутри собаки. Ответ на мои терзания дала она. Боль.

Ожог. Вторая степень. Волдыри и нарывы заняли всю ногу ниже колена. Кожа сползла в нескольких местах, оголив мышцы, которые окрасились в бордовый. Кураж битвы схлынул, адреналин иссох в крови. Осталась боль. Боль. Боль. Боль. Боль...

Я отполз подальше от кострища, оглядел свою ногу. Мои знания про ожоговые раны подсказывали одно: не трогать волдыри. Но здесь, на Помойке, сам воздух убивает. Заражение — дело нескольких секунд. Спрятать, обработать. У меня была пыльца Горькушки. Но мысль о том, какую Боль я получу, заставляла все сильнее оттягивать лечение. Но альтернатива ужаснее. Смерть от заражения.

Взгляд на рану, взгляд на Горькушку, которую я сжимаю в руке. Я давно забыл и про спину, и про разодранную руку. Боль сменила акценты и расставила приоритеты. Решение давно найдено, осталось сделать первый шаг... И найти деревяшку в зубы...

...У меня была особенность. Еще в младенчестве. Еще с далекого-далекого детства. Еще тогда... Я чувствую боль, я ее помню. Но она не может меня убить. Есть термин в медицине. Шок. Смерть, когда нервная, кровеносная и дыхательная системы не вывозят нагрузки. Боль — это груз. Тяжелый. Но ведь боль — это всего лишь сигнал о получении урона? Кто чувствует боль: я или тело? А кто я? Где этот я? Я — это тело, набор чувств и эмоций, или нечто большее? Я упал с детской площадки. Наверное, решил доказать сверстникам, какой я крутой, или просто было интересно, что там, наверху. Куда даже большие взрослые не дотянутся.

Открытые переломы, кровотечение, Боль. Я был в сознании. Каждый миг до приезда врачей был мной пережит. У меня была особенность, и есть сейчас. От боли я не могу потерять сознание. Абстрагировать разум могу, переключить мысли, а впасть в забытие — нет. Когда я впервые встретил деда, измождённый и голодный, я подумал, что особенность моя пропала. Но нет, я не могу потерять сознание. Наверное, Она не хочет меня отпускать. Такая же одинокая, как и я.

Горькушка подействовала. Эффективно. Безжалостно. Как полевой хирург. Две минуты на ногу, следующий. Почему не опалены нервы от огня? Он настолько избирательный, что сожрал кожу и плоть, но нервы оставил? Боль, все хотят видеть мою боль.

Слезы лились из глаз, кляп из деревяшки я прокусил до сердцевины. Температура тела повысилась от напряжения, обусловленного болью. Одно только правило: не двигать ногу. Я наблюдал, как волдыри рассасывались, как мясная ткань ползла друг на друга, на ощупь, как улитки. Поверх всего этого красного ужаса, называемого ногой, нарастала кожа. Нужно отвлечься, нужно отвлечься. Характеристики Пути — лучший из вариантов.

«Материальный Аспект:

Сопротивление проникающему урону увеличено +2

Термическое сопротивление кожного покрова увеличено +2

Термическое сопротивление мышечной ткани увеличено +2

Регенерация кожной ткани увеличена +1

Регенерация мышечной ткани увеличена +1»

«Ментальный Аспект:

Сопротивление сильному стрессу увеличено +2

Сопротивление раздражителям увеличено +1»

«Открыта особенность идущего: болевой порог.

Болевой порог — уровень чувствительности к боли

Болевой порог увеличен +1»

«Путь страданий

Канон второй: боль — это развитие

Прогресс стези: |3.20..10.00|»

Я стал лучше себя прежнего. Но только если судить по числам Характеристик. Я помню момент, когда тело двигалось само, когда я не мог принять решения, тело решило все само. Странно. Или нет. Видимо, я знал ответ, как жить, как поступать. Я боялся этого ответа. Но теперь все в прошлом. И жизнь, и привычки, и принципы. Ответ. Я хочу жить любой ценой. Точка.

...И где-то в воспоминаниях прохрипел в смехе лодочник.

Уже через двадцать минут после экзекуции я мог стоять на правой ноге почти без стопа. Да хромой, но живой. Спина меня не беспокоит, кровь давно свернулась, как и на руке. Рубцы да свернутая кровь говорили о бывшей ране. Пора двигать обратно.

Я осмотрел себя перед выходом: штаны без правой штанины, футболка в лоскуты, тесак немного затуплен, но все еще в рабочем состоянии. Трофеи сгорели в костре, остались лишь скелеты Посторонних. Может, и черепа их ценятся, но, помня бордовый огонь, брать их категорически не хочется. Дед говорил про отнятие духа, но, боюсь, он сгорел в пламени. Немного жаль, но не настолько, чтобы биться на холодной стали с собаками.

И все же повел себя я беспечно, особенно в минуты после боя. Перестал следить за округой, сосредоточился на ране и ее заживлении. А вдруг пришла бы четвертая собака? А если пятая, а если кто-то другой, более суровый и смертоносный? Все равно я поступил максимально верно. Из всех возможных комбинаций с учетом имеющейся информации, да помноженной на мои боевые околонулевые способности, я разыграл ту, что привела меня к победе. Остался последний нерешённый вопрос. Дед и его методы обучения. Я пребывал в смятении и лютом негодовании вперемешку с пониманием и крохой благодарности. Как все сложно, если... Нет, когда дойду, взгляну в его ехидные старые глаза, слова сами найдут выход. Буду ли благодарить его или проклипать, посмотрим.

Путь обратно занял в два раза больше времени, чем мы шли со стариком Лари. А если учесть, что мой бой с последующим лечением занял от силы полчаса, то... Как-то обидно, что ли. Время на перемещение в два раза больше битвы — это как в предвкушении суперфинала, в том же боксе, пребывать неделю, а в час X матч закончился бы нокаутом за минуту. Вот такая обида. Мысли не мешали мне следить за округой, с каждым брошенным взглядом на хибары, гордо называемые домами, я прихожу к мысли, что здесь никто не живет. Я за неделю с лишним, что был со стариком, не видел местных. Либо старик здесь один, либо я чего-то не знаю. А узнавать и ходить в поисках живых желания нету. Охота знать, неохота узнавать. И как эти мысли вообще укладываются у меня вместе?

По закону жанра я должен был встретить неизвестно кого и неизвестно что, что часто было со мной в прошлой жизни, и странно, что обошлось без судьбоносных встреч. Стук в дверь, распахнутая дверца, дед, что стоит напротив меня. Смесь радости и гнева превращается в слова, но дед просто обнимает меня. По-доброму, искренне. По-отечески, хотя откуда мне знать. Все, что я хотел высказать старику, смело.

— Я рад, что ты вернулся. Искренне рад, — сказал старик, — этот экзамен, это испытание. Они нужны на Пути любого Разумного. Можешь ругать меня и хулить, я на это согласен, и прости меня.

— Зачем?.. — Был только один вопрос, только он.

— Твой Путь. Я видел таких, как ты. Сложный Путь, Великий Путь. Таким, как ты, место выше, среди света и счастья, а не здесь. Я искусственно подстроил Испытание. Я смог обмануть Путь, но ты его обмануть никогда не сможешь. Посему я тебе ничего не сообщал, не говорил. Ты должен был верить в свое Испытание и в свой Путь. Еще раз прости меня.

— Не надо. Я все равно для тебя никто, так что пусть все останется экзаменом. — Ответ старика был наполнен новыми загадками и тайнами. И опять же, есть уверенность, что хотя б про Испытания в Алтаре должны были сказать. И снова миллион загадок.

— Испытания существуют всегда и во всех Планах. Что касается тебя, безымянный, и тебе подобных... Испытание подбирается так, что душа может его преодолеть. Не бывает невыполнимых испытаний. Не бывает их везде, кроме Срединного мира. Будто механизм сломан, если это можно так назвать. Эти конструкции и правила выше моего понимания. Моего опыта хватает сказать, что у Разумных, чья душа сильна и крепка, Испытания зачастую гробовые, хы-ых. Во всех смыслах, как ты понял. Из последнего говорили, что была девушка, которую после получения Пути убили изуверы, они же демонопоклонники, они же хрен-пойми-кто. Первое и последнее Испытание.

— Что же могло произойти со мной? — задумался я. Так выходит, что сохранность моей жизни — это заслуга старика.

— Никто не знает, может, Он, но Ему неинтересно мешать тебе жить. А ты лишнего не думай, если ты справился, то это заслуга твоя во всех смыслах. Чем-нибудь Путь тебя одарил?

— Он даже не писал про какие-либо Испытания, — подметил я.

— Хмм, — Илларион почесал бороду, — либо Путь у тебя сверхособенный, либо я все же не смог обмануть древний механизм...

— У меня открылась Особенность Пути, — после моих слов дед резко повеселел и улыбнулся во все тридцать два. Я думал, к старости от силы три зуба остаются?

— Значит, мы обманули, хы-хы-ых. Поздравляю, безымянный. — Старик немного задумался, у него это смешно получается из-за дрыгающейся бороды то вверх, то вниз. — Надо бы тебе Имя получить, а то не дело.

— Так дай мне его. Или сам придумаю.

— Э нет, так не пойдет. Смысл в твоём имени, когда за ним нет силы. Все. Решено. Пройдешь Крещенские Пещеры. Вот там будет и сила, и смысл, да. Раньше бы не предложил,

а сейчас, — он взглянул на мою ногу, почти полностью зажившую, — а сейчас идеальный момент. Бою подучим тебя и вперед, хы-ых. Ты рад? — Снова эта гримаса.
— Безмерно.

Глава 9

Имя. Оно есть у каждого. Принадлежность, идентификатор, определение. Может ли человек быть человеком, не имея имени? Думаю, нет. У первого человека было имя, значит, так было нужно. Значит, в этом есть смысл. Старик Лари много рассказывал и про сакральность имени, и про его метафизические свойства. Но я слушал вполуха, мыслями пребывая в другом месте. Я многое помню из прошлой жизни, непростительно многое. Но нигде в закоулках сознания я не мог найти своего первого имени. Были оскорбления, забавные на их взгляд клички, но не было имени. Видимо, в этом и сакральность. Я обязан добыть его себе.

— ...Поэтому следует быть аккуратным с другими участниками. Войдут многие, с именем выйдут единицы. Смертность у Крещенских Пещер ниже пяти процентов, что крайне хороший показатель для этих мест, хы-ых. Ты слушаешь? — Дед обратил внимание на мое отстранённое состояние.

— От вашей информации напрямую зависит мое выживание, — ответил я, возвращаясь в разговор. На самом деле я слушал, но пункт про историю Пещер я пропустил. Может, зря, пока не знаю.

— Вот именно, поэтому не зевай. Давай еще раз вкратце: приходишь к пещерам, регистрируешься у людей Наместника, ждешь группу. Пойдешь туда послезавтра, на Седьмой день, как раз группы собираются за неделю. Народ не злить, не провоцировать. Не наживай врагов до входа в Крещенские Пещеры. Так, все сказал... А, точно, хы-ых. Тебе надо научиться пользоваться **Духом**. — Я непонимающе поглядел на старика. — **Дух**, Всеэнергия, деньги Среднего Мира. То, что ты высосал из сорокобелки и собак, хы-ых.

— Да, точно. Спасибо, что напомнили. И поможете разобраться.

— Вот именно, что помогу. Так уж вышло, что, как Пути Разумных прекрасны в своем многообразии, так и способы развития этих самых Путей многогранны. Извлечение **Духа** из себя — личный процесс во всех проявлениях. Ты как бы из своей души отбираешь топливо. Это как из организма человека забрать калории в виде готовой еды. Обычно Путь сам помогает. В твоем случае все может быть по-другому. Я всякого наговорил, а теперь решай эту загадку. Как раз к послезавтра научишься, хы-ых. Не разочаруй, — на этих словах дед направился к своему рабочему месту — кресло-качалке. Я же направился в сарай, ставший моим домом. Есть над чем подумать. Есть над чем поработать.

Путь. Все мои вопросы и размышления сводились к этому высшему механизму. Возможно, неправильно размышлять о Пути в таком ключе, может, внутри этого Пути есть душа со своими чувствами. Но отставим лирику, вернемся к деталям. Мой Путь, по словам Иллариона, уникален. Уникальность в его сложности и перспективах. Когда остальные возвышаются за счет этого самого Духа, расширяя границы возможностей своего тела, разума и души, я могу развиваться бесконечно. Опять же, по словам деда. И это развитие компенсируется сложностью и тернистостью Пути. И сложности начались с отсутствия полной информации. Я так понял, базовые вещи про этот мир и его возможности разумные получают сразу, после Алтаря. Может, как в играх, им выдают стартовые задания. Так называемое Обучение. Но насколько корректно сравнивать жизнь с игрой? А насколько неправильно НЕ сравнивать? Демагогия, которая не поможет. Возвращаемся к основной теме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.